

И. Ю. Александров

Проблема справедливости в концепции культуры В. В. Налимова

Для концепции культуры В. В. Налимова характерно использование понятий вероятностной математики. Концепция культуры Налимова опирается на достижения трансперсональной психологии. Некоторые тезисы концепции культуры Налимова близки идеологии движения «Нового Века».

Ключевые слова: культура, кармическая концепция культуры, трансперсональная психология, движение Новый Век

Ilya Y. Aleksandrov

Problem of justice in Nalimov concept of culture

For concept of culture Nalimov is characteristic the use of concepts of probabilistic mathematics. The concept of culture Nalimov is based on the achievement of transpersonal psychology. Some of the theses of the concept of culture Nalimov close to the ideology of the movement «New Age».

Keywords: culture, karmic concept of culture, transpersonal psychology, New Age movement

Известный прежде всего как математик, один из создателей наукометрии, доктор технических наук, профессор В. В. Налимов (1910–1997) не менее интересен как теоретик и историк культуры. Если для марксистов сознание людей вторично и зависит от производственных отношений и их классовой принадлежности, то в созданной в советские годы «кармической теории культуры» Налимова «сознание народа рассматривается как некое поле самосознания, включающее все его прошлое, даже до-человеческое»¹. Для концепции культуры Налимова характерно использование понятий вероятностной математики. Эта концепция опирается на теорему Бейеса, позволяющую следовать за изменением непосредственно самих смыслов в текстах. Налимов трактует как текст сознание человека и мир. Человек взаимодействует с миром, получает ответы из мира метасемантики. Сознание человека трансцендирует, устанавливает связь между различными мирами. Сознание создает новые тексты, новые миры, новые культуры. Концепция культуры Налимова опирается на своеобразную современную версию платонизма, поскольку ее автор настаивает на изначальном существовании непроявленной семантики. Согласно Налимову, «культура – глубинное **коллективное сознание**², уходящее своими корнями в необозримо далекое прошлое, – образует размытую мозаику представлений, над которыми задана функция распределения вероятностей»³. Европейская культурная традиция, берущая истоки в древнегреческой культуре, а также в Книге Бытия, согласно Налимову, превыше всего ставила логическую мысль, но не придавала большого значения бессознательному. Критикуя всеобъемлющий рационализм, он ищет целостность восприятия в дополняющих приборное познание мира глубинах человеческого бессознательного, высту-

пающего особого рода приемником прямого взаимодействия с реальностью. В XX в. физика стала вероятностной, случайность перестала считаться выражением незнания. Налимов связывает единое вероятностное научное видение мира с ростками контркультуры, которые также связаны с вероятностным видением мира. В работах Налимова не встретить резких обвинений науки и государства в «рациофашизме» в духе провокационных тезисов Фейерабенда. Как жесткая критика Фейерабенда, так и более мягкая критика Налимова направлена в адрес особой рациональной государственной идеологии, в которой наукообразность подменяет подлинную научность. Фиксация вечных незыблемых истин в науке зачастую оборачивается блефом, а неосознаваемые самими учеными парадигмы легитимируются социальным институтом науки.

Налимов в качестве такой мировоззренческой альтернативы обращался к исследованиям в области трансперсональной психологии. В идеях трансперсонализма он находит надлогическую, дополнительную к логицизму Запада составляющую науки и культуры будущего. Налимов критикует грекоцентризм, который несколько столетий господствовал в европейской культуре. Если мир Востока логике отводил место на начальных ступенях познания, то в Европе аристотелевское мышление господствовало, а медитационные практики могли сохраниться, главным образом, в монастырях. Как и постпозитивисты, Налимов не проводит жесткой границы между наукой и религией, между наукой и мифом. Религии в последовательности их появления в концепции культуры Налимова предстают «постоянно возобновляющейся **реинтерпретацией** представлений человека о космическом Единстве», а наука расценивается им как «новая мифология»⁴. О прогрессе, с точки зрения Налимова,

можно говорить весьма условно. В веках меняется культура, лишь эстафету единого знания передают мифы, религии, а теперь и наука. Налимов в духе идей контркультуры ищет более глубокие основания и единство знаний. Налимов верит в многократность повторных рождений. В его книгах можно найти описания переживаний, которые автор испытал в европейских городах. С опорой на свой внутренний глубинный духовный опыт Налимов утверждает, что уже жил в этих местах ранее. Несмотря на его интерес к культурам Индии, Китая и Японии, культуры эти ему не близки, однако близок мусульманский мир. Чуждым для Налимова оставалось и русско-византийское православие. Очевидно, что такого рода интуиции и прочувствования автора кармической концепции культуры субъективны и опираются на трансперсональные методы познания, которые, в свою очередь, нуждаются в обосновании.

В определенном вероятностном смысле человек несвободен, поскольку прошлое, сохраняющееся в коллективном сознании, довлеет над ним. И в то же время человек свободен, имея вероятностную структуру индивидуального фильтра пропускания смыслов. Налимов в своей кармической концепции культуры показывает, как трансформируются смыслы. История культуры предстает у Налимова такой борьбой новых идей с искаженными, устаревшими представлениями. История при этом трансцендентна, человек не может видеть все действующие в ней силы. Мы не можем знать подлинных законов истории культуры, но вполне можем констатировать изменения, в ней происходящие. Так христианство, по мнению Налимова, господствовало более двух тысяч лет по причине своей открытости различным толкованиям, пусть они и приводили к конфликтам. Известные слова Ницше о смерти христианского Бога он интерпретирует как точно подмеченную философией невозможность традиционного понимания христианства. Запад, согласно Налимову, теперь переоткрывает содержательность христианства через философию Востока.

Несмотря на радикализм концепции культуры Налимова, многие ее представления достаточно традиционны. Любая культура, по его мнению, скреплена фундаментальными вопросами о смысле человеческой жизни, истории и самой Вселенной, а также ответами на них, которые представлялись удовлетворительными в определенную эпоху. Для культуры Древнего Египта существенно понимание природы человека, которое зафиксировано в «Книге мертвых» и воплощалось в ритуале мумификации. В эллинской культуре Налимов вполне традиционно выделяет специфическую теоретичность и доказательность знания, которые не были характерны для народов Востока.

Для культуры Рима существенны, по его мнению, доминантное представление о ценностном значении великой империи, упорядоченность государственных учреждений, законодательная система и стоическое отношение к жизни. В христианском средневековье Налимов выделяет христианское понимание любви, романтизм рыцарства и готические храмы, символически устремленные в иные пространства бытия. Смыслы эпохи Просвещения выразились в идеалах Великой французской революции. Главным же смыслом нашего времени стало овладение мира с помощью науки, сочетающееся с гедонизмом потребительских устремлений. Более характеризующим концепцию культуры Налимова представляется его утверждение о том, что современная культура «опять выходит на перепутье поисков»⁵. С египетской культурой Налимов связывает идею телесного воскресения, которая определила развитие христианской мысли. Для перелома культуры, в котором она находится в наши дни, характерно переосмысление соотношения «сознания-материя». Вместе с С. Грофом и другими видными представителями трансперсонального движения Налимов подвергает жесткой критике ньютоно-картезианский механицизм и дуализм сознания-материи. Только сейчас, по его мнению, разрушилась двойная дихотомия «сознание-материя» и «наблюдатель-наблюдаемое», которая определила парадигму новоевропейской науки. Переоткрыв многоуровневый универсум и многоуровневость сознания человека, современная культура остается перед ответом на вопрос о смысле жизни и осмыслении того, что же есть процесс «жизни-смерти». Буддистская психология, по мнению Налимова, не придает творческому началу вселенского звучания, не рассматривает высший творческий аспект личности. Выход в состояние Нирваны Налимов весьма спорно понимает как выход за пределы всех смыслов. Менее четко разработанная ветхозаветная психология в конечном итоге тоже приводит к выходу из мира смыслов. Налимов интерпретирует и христианский рай как место, закрытое для проявления смыслов. Личность, находящаяся в раю, семантически должна будет стереться. Идентификация личности тогда возможна только благодаря телесному воскресению. Вопрос о бессмертии, остро стоящий перед современной культурой, критично переосмысляющей свои истоки, неизбежно остался нерешенным и в самой культурологической концепции Налимова. Ответы Налимова на этот сверхвопрос скорее косвенные. Так метафора «Внутреннего Замка» Терезы Авийской, в котором сознание человека устремляется к слиянию с Христом и способно к этому слиянию, является «гимном глубинному христианскому пониманию личности, ее возможностям, ее целям»⁶. Это представление Терезы

Авильской о пустой душе сближает христианство с буддизмом. Вот только есть ли это ответ о личном бессмертии?

Эволюцию национального сознания, т. е. архетипа народа, в историческом плане Налимов сводит к «перераспределению вероятности заданных весов по всему полю признаков, образующих культуру»⁷. Революции рассматриваются Налимовым как неизбежное изживание смыслов старых и воодушевленность смыслами новыми. Он характеризует такой эксперимент по изживанию прошлого как «метемпсихоз в его общенародном проявлении»⁸. Понятие «космического эксперимента» играет существенную роль в кармической концепции культуры. Но Налимов не дает объяснения, кто же руководит такого рода экспериментами над людьми. Культурологические и философские работы Налимова, вопреки позитивистским представлениям, наполнены ощущением космической Тайны, нерасколдованности мира. От Налимова ждешь слово «сердце», но, будучи математиком, он предпочитает рассуждать о «метаинтеллекте», не раздробленном на части, который необходим для целостности культуры и осмысления ею фундаментальных проблем, таких как дилемма «жизнь-смерть»⁹. Он признает смертной личность уже потому, что она принадлежит миру, в котором смертно все. С бессмертным же личность соприкасается через спонтанность, – таков ответ математика при решении этой дилеммы. Налимов рассматривает историю культуры как гигантский эксперимент, который связан с распаковкой изначально существующих смыслов. Однако его концепция отрицает какую-либо этику, какие-либо вечные основы миропонимания. В этом принципиальное отличие платонизма Налимова от учения самого Платона. Налимов отрицает возможность этики в смысле науки потому, что, по его мнению, феномен нравственности вторичен от культуры, «взаимодействуя с которой человек принимает решения нравственного звучания. Решение становится нравственным, когда оно затрагивает **достоинство** человека»¹⁰. Отмечу, что Налимов, называя М. Хайдеггера «крупнейшим мыслителем современности», выделяет его на том основании, что Хайдеггер, по его мнению, единственный из современных философов, кто радикально поставил проблему невозможности этики¹¹. Бейсовская логика не различает добра и зла. Человеку, вынужденному участвовать в этом космическом эксперименте, – Налимов допускает аналогичные эксперименты в других частях космоса – не дано знать большего о сокровенном смысле бытия людей. В этих рассуждениях о космической тайне присутствует жестокость судьбы автора этой культурологической концепции: бессмысленность сталинских лагерей и непостижимая загадочность судьбы России в XX в. Налимов использует лишь

отдельные, творчески переработанные положения буддизма и христианства. Это современная, творческая концепция. По словам Налимова, он не может признать «идею кармы как некое сурового и жестокого закона, заставляющего человека изживать свое суетное прошлое»¹². Едва ли его концепция культуры должна быть отнесена и к современному гностическому учению, ведь она не содержит развитой космогонии, хотя на заднем плане ее незримо присутствует, едва ли благой, Демиург, учинивший эти «эксперименты» над землянами.

Многие страницы трудов Налимова посвящены «Второму Ренессансу» – таким понятием он характеризует происходящее в современной культуре. Но как достигнута такая культурная интеграция? Налимов полагает, что ключ прост – медитации или иные способы выхода людей в измененные состояния сознания позволяют постичь надкультурное единство человеческой природы. Вера Налимова в универсальность методов трансперсональной психологии, которая позволит осуществить межкультурную коммуникацию, выглядит несколько наивной. Создается впечатление, что трансперсональные общемировоззренческие представления попросту стали парадигмальными для некоторых ученых, в том числе и для Налимова. Эффективность же различных трансперсональных медитативных методов еще надо доказать. От применения этих медитативных методов только ждут открытия или переоткрытия соответствующих представлений о размытости границ жизни и смерти, о единстве человеческой природы и т. п. Единство религиозных основ в XX в. было открыто психологами в душах самих людей. Для Налимова «основой гуманизма оказывается психология»¹³. Наиболее уязвимое место в этой концепции – это своего рода психологический технизм. Налимов, почти безлично относившийся к этической тематике, хотя и признает роль внутренней духовной работы, к примеру, он высоко оценивает духовный опыт нестяжателей и очень критичен к многовековому иосифлянству русской православной церкви, настолько впечатлен «химическими» успехами С. Грофа в переоткрытии многоуровневости человеческого микроскопа и соответствующих слоев универсума, что, по-видимому, верит в возможность достижения наиболее одухотворенных слоев универсума чисто механическими методами.

В работах Налимова встречается и противоположный по смыслу тезис о том, что «утрата этики – хранительницы культуры» ведет культуру к гибели¹⁴. Налимов напоминает читателю о судьбе великой Римской империи. Налимов сохранил нравственные идеалы своей юности, связанные с движением Мистического анархизма. Члены этого отечественного, синкретичного, гностического в своих философских исканиях движения 20–30-х гг.

XX в., как раз таки, стремились сохранить нравственность в условиях революционной ломки царского режима и прежних ценностей. Налимов в наши дни надеялся на «вмешательство космических сил через реинкарнационное пришествие»¹⁵ такого рода рыцарей мистических орденов, способных создать принципиально новую духовно ориентированную культуру. Есть противоречие между этим представлением Налимова об элитарности этики, о носителях этики членах мистических орденов и его несколько не критичным доверием трансперсональным методикам, которые предназначены для всех, но не элитарны. Налимов отрицал этику в смысле науки или содержательного философского учения на том основании, что, по его мнению, феномен нравственности вторичен от феномена культуры. Такая точка зрения чревата этическим релятивизмом. Налимов называет культуру «терапией сознания», хорошо осознает опасность ее разрушения. Но создается культура харизматическими личностями, и эволюция культуры направлена в неизвестном нам направлении. Какого-либо объяснения революционных изменений культуры концепция Налимова не содержит.

Вероятностные математические понятия и метафоры кармической концепции культуры удачны, когда Налимов показывает всю характерную для нашей культуры нелепость суждений в бинарной системе «да-нет». В вероятностном мире нет резких границ. Человеку же свойственно стремиться к размежеванию с противоположной концепцией или идеологией. Всякая концептуализация связана с разбиением семантического поля на противостоящие понятия или, как сказал бы математик, замкнутые подмножества, которые порождают все новые и новые общие точки, что отнюдь не усиливает, а только ослабляет позиции. Всякое уточнение оказывается направленным на саморазрушение. История человечества в ее нескончаемых идейных противостояниях с позиций гипотетического метанаблюдателя оказалась бы «тщетной попыткой преодолеть невозможность разбиения континуума на непересекающиеся замкнутые семантические множества»¹⁶. Налимов приводит пример из эпохи Крестовых походов. Христиане рыцари ордена Тамплиеров сражаются с воинами мусульманского ордена Ассасинов. Им очевидно, где и в чем безусловное зло. Столь же нетерпимы к инакомыслию их противники. Одни воины в белых одеждах с красными крестами, другие – также в белом, но с красными поясами. Налимов обращает внимание на структурное сходство обоих орденов и близость их учений. По мнению Налимова, Православная церковь до сих пор придерживается бинарной системы суждений. Церковь парадоксально оказалась

нетерпимой ко Л. Н. Толстому, хотя проявила толерантность к Сталину и другим ее разрушителям.

Налимов крупный ученый. Вместе с тем положения его «кармической теории культуры» при всей оригинальности (прежде всего своей математичностью) вписываются в широкий культурный фон, который связан с движением New Age. Обращает на себя внимание эклектичность идей этого движения и культурологической концепции отечественного математика. Психологический технизм типичен как для кармической концепции культуры Налимова, так и для движения New Age. Схожа критика всеобъемлющего рационализма европейской культуры. Движение «Новой Эры» не ограничивается каким-то одним духовным учением или религией. Метафизические представления Налимова тоже основаны на разнородных источниках. Подобно тому, как идеологи движения «Нового Века» провозглашают духовный, качественный скачок в развитии человечества, Налимов надеется на экспериментальное исследование религий, нахождение общего ядра религиозных знаний и связанный с этим скачок качественный культуры. Сходны с идеологией New Age и представления Налимова о мнимости материального мира, о цикличности жизни, учение о реинкарнации и тезис о глобальном характере формирующейся культуры.

Примечания

¹ Налимов В. В. Испытание Святой Руси: на грани третьего тысячелетия. Томск; М.: Водолей, 2002. С. 19.

² Здесь и далее выделено В. В. Налимовым.

³ Налимов В. В., Дрогалина Ж. А. Реальность нереального: вероятностная модель бессознательного. М.: Мир идей: Акрон, 1995. С. 20.

⁴ Налимов В. В. Испытание Святой Руси. С. 173.

⁵ Налимов В. В. Спонтанность сознания: вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М.: Водолей Publ., 2007. С. 302.

⁶ Там же. С. 71.

⁷ Налимов В. В. Испытание Святой Руси. С. 19.

⁸ Там же. С. 22.

⁹ Налимов В. В. На грани третьего тысячелетия: что осмыслили мы, приближаясь к XXI в. М.: Лабиринт, 1994. С. 66.

¹⁰ Там же. С. 8.

¹¹ Там же. С. 13.

¹² Его же. Канатоходец: воспоминания. М.: Прогресс, 1994. С. 102.

¹³ Его же. Спонтанность сознания. С. 334.

¹⁴ Его же. На грани третьего тысячелетия. С. 6.

¹⁵ Там же. С. 68.

¹⁶ Налимов В. В., Дрогалина Ж. А. Указ. соч. С. 376.